

Сеферова Ф.А.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ШАКИРА СЕЛИМА

Произведения Шакира Селима вошли в наше повседневное общение цитатами из поэм, баллад, стихотворений. Герои и фразы Ш.Селима подмигивают со страниц прессы, активно воплощаются в переводах. Даже жизненный путь поэта, дневниковые записи и свидетельства близких систематизируются в работах, превращаясь в самостоятельные сюжеты [1, с.8–29]

Крымскотатарский современный поэт, публицист и переводчик, всегда соотносивший себя с мировой литературой постепенно осваивается крымскотатарским литературоведением. Между тем национальная и культурная самоидентификация поэта далеко не всегда дает исчерпывающую характеристику гравитационных полей, действующих в его творчестве. Здесь Ш.Селим не одинок. А.Осман, Э.Амит, Ю.Кандым, вот приблизительный и далеко не полный ряд авторов, чье наследие соотносится сразу с несколькими культурами и не может ограничиваться рамками их национального самоопределения.

Нам представляется интересным проанализировать экзистенциальный потенциал произведений Ш.Селима, связанный именно с особенностью крымскотатарской культуры, которая, складываясь в условиях отсутствия собственной государственности, проявила свое отношение к действительности.

«Ватан ве шириет – тен эм де юрек.
Ватансыз шириет – елда яткъан таш, –
О кимге керек?!»

«Вітчизна й поезія – тіло з душею
А вірш у вигнанні – кому його треба?!
Це комінь спіткання сошею»
(Пер. Н.Мирошниченко) [2, с.662, 663]

Отношение Ш.Селима к Крыму, где он родился и откуда был депортирован в двухлетнем возрасте, определяется рядом факторов: воспитанием и традициями с замечательными людьми.

«Способ стиха» Ш.Селими, его основополагающий поэтический принцип, в котором заключается все своеобразие его поэзии, – точно определен самим автором:

«Амма урар экен юрек тенинде,
Пока бьется сердце в твоей груди
Узакътан сесленген еллерни динъле
Внемли ветрам, внемли ветрам» [3, с. 16]

которые сметая все несущественное, позволяют увидеть, обрести ценное – озь къулле – «свою колокольню, свой храм».

«Къайдадыр джюйрюкке минип чапанъ да,
Думанлар артында елсыз къалсанъ да,
Эджнебий тапракъта Алла олсанъ да,
Козюнънинъ огюнде турсын озь къулленъ –
Сени унутмагъан Ватанынъ олсун.»

«Замчиш на коні, скільки стане спромоги,
В далекі краї, або заблудиш з дороги,
Або піднесешся в чужинців до Бога
То вирізьби напис в храміні своїй :
Вітчизна була б , – не забудешся їй » [2, с. 670]
(Пер. Н. Мирошниченко)

В иронической интонации этого с тонким подтекстом стихотворения слышно глубокое сожаление об утрате обществом четких представлений о неизменных нравственных ориентирах. Мысль художника развивается от конкретного к всеобщему, порождая связь единичного с вселенским. Так на синтезе конкретного и абстрактного возникает образ, через который утверждаются такие критерии человеческого поведения как мудрость, совесть, бескорыстие.

Чем сложнее прочитывается смысл произведения, считал Б.Грасиан, чем глубже скрыто объяснение, чем трудней его отыскать, тем ценней острая мысль [4, с. 205]. Эти же идеи в новом историко-культурном освещении предстают в творчестве Ш.Селима, ибо его поэзия – это целый ряд сложных образов, чуть уловимых импрессионистских ассоциаций, следующих друг за другом пространственных и временных отрезков, образующих в итоге неделимое единство стиха, где причудливость формы подчеркивает неоднозначность содержания. Символический образ «неба», занимающий в творчестве Ш.Селима центральное место, воплощает максимализм этических установок поэта.

«Керекмей, керекмей, керекмей
Не нужно, не нужно, не нужно
Мавы кок йыкъылгъан терекке.
Голубое небо упавшему дереву.
Керекмей, керекмей, керекмей

Не нужен, не нужен, не нужен
 Саф ава кырылган юрекке
Чистый воздух разбитому сердцу» [3, с. 37]

Антитеза «земного и небесного» зачастую предельна. «Земное» у Ш.Селима выступает как синоним несовершенного общества, в котором главенствуют ложь, клевета, несправедливость. «Небесное» же выступает главным образом как противоположность земного бытия. В древних верованиях тюркских народов «небо представляется обителью души, ангелов («мелек») [55, с. 147]. Символическим выражением тяготения к высокому являются образы луны, звезд.

«Ешил даллар арасында
Месяц свил себе гнездо
 Юва кыргыган Ай
Средь ветвей зеленых» [3, с. 36]
«Отуз эки Ай – йылдызынь кыйда баткыан?
Ответь мне Бахчисарай, Бахчисарай
 Сейле манга, Багчасарай, Багчасарай.
Почему угасли тридцать две твои звезды?» [3, с. 32]

Стремление к «возвышенному», «небесному» составляет главный этический императив художника, дефинирующий комплекс декларируемых (провозглашаемых) им этических ценностей. В представлении Ш.Селима человек наперекор житейским нуждам должен культивировать в себе высшее начало.

«Эй, гоньюлим, хасталанма, сени тебдиль этселер...
Душа моя, не терзайся...
 Ынджытувлар, азаплавлар бакый дегиль дюньяда.
Обиды и огорчения не вечны в этом мире.» [6, с. 36]

Самоидентификация лирического героя Ш.Селима и осознание им своих творческих задач радикальны. Он в полной мере осознает праведность своего ремесла. Его уверенность в святости ремесла отчетливо показывается в контексте стихотворений «Времени» («Заманга»), «Белый лист» («Без табак»), «Погребенным моим стихам» («Дефн олунган шиирлериме») и других.

«Сен менимчюн дегильсинь без табакь,
Для меня ты – не белый лист бумаги,
 Сен менимчюн – сехрли дженк мейданы!
Для меня ты – волшебное поле боя!
 Шу мейдандан чыкыаркен эр кунь саба,
Душа моя, вступая ранним утром в бой,
 Кене кыйтып кипмеге истей джаным .
Желает возвратиться вновь.» [3, с. 4]

Поэт – жертва насмешек безликой толпы, недальновидных критиков, его тяжкий труд обречен на непонимание и равнодушие.

«Заманга ят», дейлер кимер йырымны,
«Чуждым времени» называют мои песни,
«Заманга уймай», деп тапалар манна.
«Не соответствующими времени» и ищут причину.
 Эй, заман, гизлемем сенден сырымны:
Эй, время, я не скрою от тебя
 Мени сен догурдынь, сен манга – ана...
Ты родило меня, ты мне – мать...» [3, с. 8]

Важно подчеркнуть, что талант для Ш.Селима одновременно составляет и «счастье и тяжкий труд», а призвание поэта осмысливается им как странничество, служение. Странник – одна из ипостасей лирического героя:

«Узакъ ёлдан кельдим мен,
Я пришел издалека,
 Бир тыныш ял алайым...
Отдохнуть бы мне...» [3, с. 14]

«Шу аятнынъ елларындан
Устал я бродить
 Кезип артык усандым...
по дорогам жизни...» [3, с. 15]
«Янгъызлыкъ тенимни таш киби эзе
Одиночество камнем давит меня
 Еттим санга боранларга огърай–огърай
Преодолевая бури, пришел к тебе.» [3, с. 26]

Лирический герой изображен здесь одиноким уставшим странником, который с грустью осознает, что никем не слышим и не видим.

«Сейирджилер йырджыга эльчирпмаса,
Если зрители не принимают певца
 Кыйдан бильсин сесининъ яраганынь?

*Откуда знать ему, что голос его хорош?
Я кьямет кьопарып сызгьырмаса,
Откуда знать ему,
Къайдан бильсин нафиле йырлагъаныны?
что поет он не зря?» [3, с. 12]*

Так у Ш.Селима складывается портрет современника из разнородных штрихов, среди которых есть равнодушные к чужому сердцу, душевная глухота, лицемерие.

*«Неге макътаньсынъ? Байлыгъынъамы?
К чему твоя похвальба? Богатству ли?
Байлыкъны эр сагълам дели де тапар.
Богатство найдет и глупец...
Гуль киби кийинген, шайлыгъынъамы?*

Лафым ёкъ, буларгъа дегильсинъ сен зар. » [3, с. 32]

Какой бы темы ни коснулся Ш.Селим, она органично «переходит» на социальное звучание, ибо для поэта естественно движение от личностного восприятия к социально-этической проблематике, от мира одного человека, – к миру родного края... «Края пропитанного запахом полыни» [1, с. 25].

В пейзажной лирике Ш.Селима природа персонифицирована, «вписана в мир авторских чувств». Краски и оттенки лирики воплощают целую радугу чувств – теплых и холодных, светлых и печальных. Однако два цвета – зеленый и синий (небесный) представляют собой два избранных опорных образа.»

*«Серин ельнинъ талгъын, хафиф нефеси
От дыхания холодного ветра,
Эрте танъда текрендирди гуллерни
Ранним утром вздрогнули цветы,
Чыкъ тюбюнде оларнынъ эр гъонджеси,
Каждый их бутон, покрытый росой
Тазе нефес уятмакъта челлерни
Будит степь своим чистым дыханием. » [6, с. 31]*

На приеме цветового письма, на ассоциации зеленого и синего построены стихотворения «Пейзаж» («Манзара»), «Незабытая песня» («Унутылмагъан йыр»), «Колыбельная тоскующей матери» («Асрет ананынъ айнениси») и др., где у поэта нет контраста цветовых образов, но чувствуется близость человека к краскам той родной национальной стихии, которая обретает уже по сути символический характер в национально–традиционных образах синего, лазурного неба и зеленых долин.

Следует отметить мастерство Ш.Селима – переводчика не только сохранившем почти весь лексический фонд «Крымских сонетов» Адама Мицкевича, но и сумевшим передать то, что называется сенсорным строением его стиха – удивительную тональность, сложные оттенки настроения. Передавая не просто смысл, но и дух сонетов, Ш.Селим создает впечатление благоговейного дифирамба во славу «рубиновой заре» («ал уфукъкъа»), «царю ночи в серебряной порфире» («тынч гедженинъ кумюш тюсю падишасы»). Каждая строка перевода максимально приближена к содержанию текста–перевода В.Левика. Для подтверждения этой мысли приведем пример:

*«Джамилерде сес–шамата ягышмакъта.
Сакинликке синъип кетги эзан сеси
Тынч идженинъ кумюш тюсю падишасы
Ал уфукъкъа – яресине ашыкъмакъта» [7, с. 20]*
(Перевод Ш.Селима)

Ярость, многозначность образов создает второй план сонета. Это как бы запечатленный поэтом редкий миг, когда человек оказывается наедине с исполненной величия природой, когда часы остановившегося мгновения заставляют почувствовать и осмыслить глубинную связь времен.

Источники и литература

1. Шакир Селим Корьген–кечиргенлерим // Йылдыз. – 2007. – №5. – С. 8–29.
2. Окрушка сонця. Кунештен бир парча Антол. Кримськотатар. Поезії XIII–XX ст. – К.: Голов. Спеціалізм. ред. літ. мовами нац. Меншин України, 2003. – 792 с.
3. Шакир Селимов «Еллерни динъле: Шиирлер, балладалар, поэмалар. » – т.: Эдебият ве санъат нешриятъ, 1990. – 120 с.
4. Грасиан Б. Остроумие или Искусство изощренного ума // Испанская эстетика: Ренессанс. Барокко. Просвещение. – М.: Искусство, 1977. – С.169–465.
5. Сагадеев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. –209 с.
6. Шакир Селимов. Шиирлер // Йылдыз. – 1986. – №4 – С. 31–36.
7. Шакир Селим Тамчылар. Шиириетте ренк меселеси // Йылдыз. – 2006. – №3. – С. 4–20.